

ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ
1910

Марина Цветаева

TEXT

archives équivalences

poèmes

2003

Источники:

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

Вечерний альбом (Стихи) Детство – Любовь – Только тени, Москва, 1910 г.

Марина Цветаева

Собрание сочинений [в 7 тт.], [1] Москва, «Эллис Лак» 1994 г.

«Мир Марины Цветаевой» <tsvetaeva.da.ru>. Координатор проекта: Ф. Левичев.

© 2001–2003 ADRIAN REZUŞ (Nijmegen, The Netherlands) [EDITION]

© 2003 **ÉQUIVALENCES** [PDFL^AT_EX – HYPERSCREEN]

TYPESET BY L^AT_EX 2_ε IN *литературная* © 1999 PARAGRAPH INTERNATIONAL

[ARCHIVE COPY] PRINTED IN THE NETHERLANDS – JULY 23, 2001

REVISED REPRINT – JULY 15, 2003 [15 июля 2003 г.]

Марина Ивановна Цветаева

ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ

(Стихи)

Детство — Любовь — Только тени

Москва

1910 г.

ВСТРЕЧА

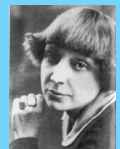
Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наших стоны.

С той девушкой у темного окна
— Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей — и в небе счастья нет?..

ДЕТСТВО

*Ah, mieux vaut repartir aussitôt qu'on arrive
Que de te voir faner, nouveauté de la rive.*

Edmond Rostand¹

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Асе

Ты — принцесса из царства не светского,
Он — твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаще берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной — луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,

Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, —
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер — одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть — на лету!

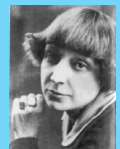
Таруса, лето 1908

В ЗАЛЕ

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, —
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...

Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

МИРОК

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети – это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

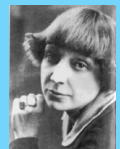
Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети – это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кровати трепетный обет,
Дети – это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

ЖЕРТВАМ ШКОЛЬНЫХ СУМЕРОК

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные деточки,
О, почему вы ушли?
Думы смущает заветные
Ваш неслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!..
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: «Не то...»
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, —
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша — на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
— Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?

Это узнают грядущие,
Нам это знать — не дано.

СЕРЕЖЕ

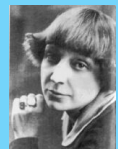
Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жалея.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильнее ее!
О земле, где всё — одна тревога

И о том, как дивно быть у Бога,
Всё скажи, — ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

ДОРТУАР ВЕСНОЙ

Анне Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье среди спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар — как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожидания,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинные, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...

Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весной теплица?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«Плывите!» – молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и рощ лимонных.

Мы плыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий...
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,

Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали...
Он был так близок, но увы —
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах
Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины...

Вдруг — звон! Он здесь! Пощады нет!

То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрым улицам домой
Мы провожали Чародея.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть... — отвори же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! —
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть —
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

ЛЕТОМ

– «Ася, поверьте!» и что-то дрожит
В Гришином деланном басы.
Ася лукава и дальше бежит...
Гриша – мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася – смеется над Гришей!

САМОУБИЙСТВО

Был вечер музыки и ласки,
Все в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял — жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сияньи розовых лучей...
Он понял — прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: «Мама!», вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкой икона,
Но страшно! — «Ах, вернись домой!»
...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: «Мальчик мой!»
.....
В изящном узеньком конверте

Нашли ее «прости»: «Всегда
Любовь и грусть – сильнее смерти».
Сильнее смерти... Да, о да!..

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях всё детки, всё детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платьица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
— «Подумайте, сын мой»... — «Да что вы! А мой»...

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное — женское — счастье мое!

В СУМЕРКАХ

(На картину
«Au Crépuscule» Paul Chabas²
в Люксембургском музее)

Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мирные всплески весла.
Вся — как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам — верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети — безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала...
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

ЭЛЬФОЧКА В ЗАЛЕ

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
Под гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясные сани,
На улицах было пустынно и снежно.

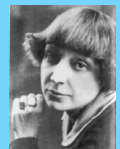
Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
— Как будто старинный портрет перед вами! —
От дум, что вовеки не скажешь словами,
Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
О сладостных чарах безбрежной печали,
И души меж звуков друг друга встречали,
И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: «Нет радости в страсти!»

Усталое сердце, усни же, усни ты!»
И в сумерках зимних нам верилось власти
Единственной, странной царевны Аниты.

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА

Всему внимая чутким ухом,
— Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые — ручки, лобик,
На бледном личике — вопрос.

Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

ПЛЕННИЦА

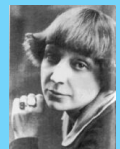
Она покоится на вышитых подушках,
Слегка взволнована мигающим лучом.
О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?

Шалунья-пленница томилась целый день
В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.

Не лгали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.

Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки
И ждет серебряный, тяжелый экипаж.

Но... грезы все! Настанет миг расплаты:
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,

И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

ШАРМАНКА ВЕСНОЙ

– «Негг Володя, глядите в тетрадь!»
– «Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr³ этот гадкий шарманщик!»

Золотые дневные лучи
Теплой ласкою травку согрели.
– «Гадкий мальчик, глаголы учи!»
– О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fräulein Else⁴ сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!

Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками...
Fräulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,
И сменяется: «Пой, птичка, пой»
Дерзким вызовом Тореедора.

Fräulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
— «Не грусти, lieber Junge⁵, — пора
Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!»
— «Я конфет попрошу у Алеши!
Fräulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fräulein Else, калоши?»

Не осилить тоске леденца!

О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

ЛЮДОВИК XVII

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам — вино, тебе — пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Не сгнивший плод, — цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...

И ты простер слабеющие руки
Туда навверх, где странникам — приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься — королем.

НА СКАЛАХ

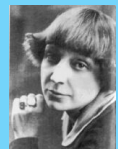
Он был синеглазый и рыжий
(Как порох во время игры!),
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русских сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он – мой!» – «Нет – он мой!» – «Почему ж?»
Володя решает: «Вы обе!
Вы – жены, я – турок, ваш муж».

Забыто, что в платьицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»

– «Домой! Ася, Муся, Володя!»
– Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим – как взрослые – трубки,
Мы – воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, – о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

ДАМА В ГОЛУБОМ

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: — «Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!»
Молвил — и видит: из сумрачных чаш
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительных рук;
Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрее,
Вот уж склонилась над ним.
— «Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!»

Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.
Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...
Эрик очнулся. Вокруг — никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В ОУЧУ

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Оучу!

– «Всё в знаниях, скажут нам науки...
Не знаю... Сказки – хороши!»
О эти медленные звуки,
О эта музыка в Оучу!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Оучу!

АКВАРЕЛЬ

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

СКАЗОЧНЫЙ ШВАРЦВАЛЬД

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенье птиц... Жужжание пчелы...

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься — ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, —

Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случилось на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Всё поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

КАК МЫ ЧИТАЛИ «LICHTENSTEIN»

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятые
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих — мой герой, а Ге'орг — Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня — милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямые,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.

Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

НАШИ ЦАРСТВА

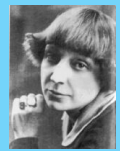
Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на всё – на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели,
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих...

Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё незрелый передаст ли стих?

ОТЪЕЗД

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда
Отъезд сердцам желанен и несносен!

Чуть вдалеке раздастся стук колес, —
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: «Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!» — «Ах, дети, вздохи лишни».
Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен... Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали...
(Какой-то крик... Кто звал? Никто не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!

Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О на крыльце последний шепот наш!
О этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
– «Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!»

– «Марилэ, друг, пиши мне!»
Ах, не то! Не это я сказать хочу! Но что же?
– «Надень берет!» – «Не раскрывай пальто!»
– «Садитесь, ну?» и папин голос строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада...
Последний миг... – «Nun, kann es losgehn, Herr?»⁶
Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.
Мы, как во сне, о чем-то говорили...
Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек!
Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ!

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского життя
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
— «Уж поздно!» — «Мама, десять строк!»...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига» Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...

Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неумоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.

Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

САРА В ВЕРСАЛЬСКОМ МОНАСТЫРЕ

Голубей над крышей вьется пара,
Засыпает монастырский сад.
Замечталась маленькая Сара
На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
Как былинка нежная слаба,
И не знает крошка, что готовит
Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
От раздумья щечки розовой,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
Чуть звенит цепочкою браслет, —
Все дитя как будто статуэтка
Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
Резкий звук развеял пенье чар:

То звонок воспитанниц сзывает
В дортуар.

Подымает девочку с окошка,
Как перо, монахиня-сестра.
Добрый голос шепчет: «Сара-крошка,
Спать пора!»

Село солнце в медленном пожаре,
Серп луны прокрался из-за туч,
И всю ночь легенды шепчет Саре
Лунный луч.

МАЛЕНЬКИЙ ПАЖ

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть.

Он мечтал о гибели славной,
О могуществе гордых царей
Той страны, где восходит светило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
— «Вырастай поскорей!»

Он бродил одинокий и хмурый
Меж поникших, серебряных трав,
Все мечтал о турнирах, о шлеме...
Был смешон мальчуган белокурый
Избалованный всеми
За насмешливый нрав.

Через мостик склонясь над водою,

Он шепнул (то последний был бред!)
— «Вот она мне кивает оттуда!»
Тихо плыл, озаренный звездой,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

DIE STILLE STRASSE

Die stille Strasse⁷: юная листва
Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома – во сне... Блестящим детским взглядом
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fgdlein повторяем хором,
И воздух тих, загрязивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрощалась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно.

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье название нам осталось тайной.

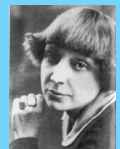
МАМА В САДУ

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени...

МАМА НА ЛУГУ

Вы бродили с мамой на лугу,
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!»

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
«Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, —
До конца лишь сердце нам закон!»

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко

Там, в саду, где Бог и облака.

RICORDO DI TIVOLI⁸

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
Девочка, плача, головку на грудь уронила...

— Грустно и мило! —

Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей.

Нет путей

Им в нашей жизни. Их счастье, их радость — у Бога.

Море синее вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе — чайки...

Мальчик играет, а девочке в друге весь мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много выдавшая ель!

Плачет свирель...

Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлин, лето 1910

У КРОВАТКИ

Вале Генерозовой

— «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

— «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела»...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

— «Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, — и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

— «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг»...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

— «Вечером к девочке маленькой

Раз прилетел ангелок»...
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

ТРИ ПОЦЕЛУЯ

– «Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!»
Она смеясь прижала губки
К ее руке.

– «Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?»
Она задумчиво прильнула
К его руке.

– «Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим – на песке!»
Она в слезах прижала губы
К своей руке.

ЛЮБОВЬ

В любви нет страха, но
совершенная любовь изгоняет страх,
потому что в страхе есть мучение;
боящийся не совершен в любви.

Первое послание Иоанна, гл.4, ст. 18

*Je vois dans tout but noble un but plus noble poindre,
Car lorsqu'on eût un rêve on n'en prend pas un moindre.*

Edmond Rostand⁹

НОВОЛУНЬЕ

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем — скрываю, днем — молчу.
Месяц в небе, — нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут — твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

ЭПИТАФИЯ

Тому, кто здесь лежит под травкой вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный, нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть...
Во всех грехах он был – ребенок нежный,
И потому – прости ему, Господь!

БЫВШЕМУ ЧАРОДЕЮ

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем сея.
— «Брось камнем, не щади! Я жду, больней ужаль!»
Нет, ненавистна мне надменность фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только жаль.

Стенами темных слов, растущими во мраке,
Нас, нет, — не разлучить! К замкам найдем ключи
И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет все в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою ладьей,
И из воздушных строк возникнет стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

— «Погрешности прощать прекрасно, да, но эту —
Нельзя: культура, честь, порядочность... О нет».
— Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно всё простить за плачущий сонет!

ЧАРОДЕЮ

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказанья ночей,
Оттого ты с рожденья — ничей,
Оттого ты любил — с колыбели,

О, как многих любил ты, поэт:
Темнооких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом...

О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда — сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

В ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ

«Да, для вас наша жизнь
действительно в тумане».

Разговор 20-го декабря 1909 г.

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...
Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом — смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те —
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны — в темноте!

Нас вальс и вечер — всё тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,

Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, внешний запах,
Орchestra пение вдали —
И мы со вздохом в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: «Милый!»
Что будет розовым закат.

СЕСТРЫ

«*Car tout n'est que rêve, o ma soeur!*»¹⁰

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность
Они вдвоем шепнули: «Ах!»...
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: «Люблю я!»...
Раскрыл объятия — зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

27–30 декабря 1909

НА ПРОЩАНИЕ

*Mein Herz trägt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich möcht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer trägt¹¹.*

Франкфуртская песенка

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду — твоя.

Ты все мне поведал — так рано!
Я всё разгадала — так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,

И властен навеки мороз.
Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного — и навек!

4—9 января 1910

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнию не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

PERPETUUM MOBILE¹²

Как звезды меркнут понемногу
В сиянии солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
– И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
– И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой – блеск ракеты!
За проповедником – шутник!
– И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

СЛЕДУЮЩЕМУ

*Quasi una fantasia*¹³.

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явление,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь — удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
— С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком — дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

ЛУЧ СЕРЕБРИСТЫЙ

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

ВТРОЕМ

- «Мы никого так»...
- «Мы никогда так»...
- «Ну, что же? Кончайте»...

27-го декабря 1909 г.

Горькой расплаты, забвенья ль вино, —
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева — к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большого знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...
Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведано утро встречать

В детской, прижавшись, втроем ...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

ОШИБКА

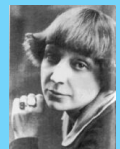
Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой – она слезинкой тает,
И вернуть воздушность ей нельзя.

Когда, пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль –
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»

Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

МУКÀ И МУ́КА

— «Все перемелется, будет мукой!»

Люди утешены этой наукой.

Станет мукою, что было тоской?

Нет, лучше му́кой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!

Только в тоске мы победны над скукой.

Все перемелется? Будет мукой?

Нет, лучше му́кой!

КАТОК РАСТЯЯЛ

...«но ведь есть каток»...

Письмо 17 января 1910 г.

Каток растаял... Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимою грусть была едина...
Вдруг новый образ встанет... Чей?
Душа людская — та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смёл снежинку лепесток!
— Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток...

ВСТРЕЧА

...«есть встречи случайные»...

Из дорогого письма

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел — так неожиданно! так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?

Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

Март 1910

ДВА В КВАДРАТЕ

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них «она»?
Здесь умолкают все укоры, —
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

— «Прошел он!» — «Кто из них? Который?»
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укоры, —
Вас двое. Наша ль то вина?

СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ СНЫ

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Всё мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: «О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, Боже,
Сон про меня!»

Пусть я при встрече с тобою бледнею, —
Как эти встречи грустны!

Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

* * *

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть! —
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты — майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по лёгким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт, —
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.

Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы бывшего напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

ПРИВЕТ ИЗ ВАГОНА

Сильнее гул, как будто выше — зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верит чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струёй вливается туман...
Мой дальний друг, пойми — все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Все тот же смех и блески тех же звезд,

И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

ЗЕЛЕНое ОЖЕРЕЛЬЕ

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем
Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней.
Ты непрочную нить потянул слишком сильно,
И посыпались камни обильно,
При паденьи сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев
Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью вечных
скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

КРОМЕ ЛЮБВИ

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы — ты и я — принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность — других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробужденьи души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом
доме.

(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной — любви.

ПЛОХОЕ ОПРАВДАНИЕ

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм.
О мучительный стыд за вечернее лишнее слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из
Эдема...

Как влюбленность — старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо — враги!

Твой восторженный бред, светом розовых люстр
золоченый

Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром — мудрец, будет утром — холодный ученый
Тот, кто ночью — поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?
Только утро виною я, прошедшему вздох посылая,
Только утро виною!

ПРЕДСКАЗАНИЕ

– «У вас в душе приливы и отливы!»
Ты сам сказал, ты это понял сам!
О, как же ты, не верящий часам,
Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесет грядущая минута?
Чей давний образ вынырнет из сна?
Веселый день, а завтра ночь грустна...
Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вы
Сказать «враги» двум белым парусам?
Ведь знали вы... Ты это понял сам:
В моей душе приливы и отливы!

ОБА ЛУЧА

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве — любовь, и молитва —
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе —
Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

ДЕТСКАЯ

Наша встреча была — в полумраке беседа
Полувзрослого с полудетьми.
Хлопья снега за окнами, песни метели...
Мы из детской уйти не хотели,
Вместо сказки не жаждали бреда...
Если можешь — пойми!

Мы любили тебя — как могли, как умели;
Целый сад в наших душах бы мог расцвести,
Мы бы рай увидали воочью!..
Но, испуганы зимнею ночью,
Мы из детской уйти не посмели...
Если можешь — прости!

РАЗНЫЕ ДЕТИ

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, —
Они не играют с огнем.

Есть дети — как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осея,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась — так гибни во мгле!»
Твои обвиненья мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.

Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле... —
Мой милый, был так беспощаден твой суд! —
Но все же я сердцем твоя — и во мгле
«За несколько светлых минут!»

НАША ЗАЛА

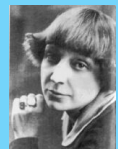
Мне тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющим тоном, как няня любовно:
— «Почему ты по дому скитаешься, словно
Только утром приехав с вокзала?»

Беспорядочной грудой разбросаны вещи,
Погляди, как растрепаны пыльные ноты!
Хоть как прежде с покорностью смотришь в окно ты,
Но шаги твои мерные резче.

В этом дремлющем доме ты словно чужая,
Словно грустная гостья, без силы к утехам.
Никого не встречаешь взволнованным смехом,
Ни о ком не грустишь, провожая.

Много женщин видала на долгом веку я,
— В этом доме их муки, увы, не случайны! —
Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны
Не одна поверяла, тоскуя.

О, не бойся меня, не противься упрямо:
Как столетняя зала внимает не каждый!

Всё скажи мне, как все рассказала однажды
Мне твоя одинокая мама.

Я слежу за тобою внимательным взглядом,
Облегчи свою душу рассказом нескорым!
Почему не с тобой он, тот милый, с которым
Ты когда-то здесь грезила рядом?»

– «К смелым душам, творящим лишь страсти вельенье,
Он умчался, в моей не дождавшись прилива.
Я в решительный вечер была боязлива,
Эти муки – мое искупленье.

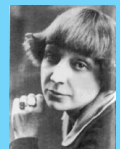
Этим поздним укором я душу связала,
Как предателя бросив ее на солому,
И теперь я бездушно скитаюсь по дому,
Словно утром приехав с вокзала».

* * *

По тебе тоскует наша зала,
— Ты в тени ее видал едва —
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала.
Каждый вечер я скитаюсь в ней,
Повторяя в мыслях жесты, взоры...
На обоях прежние узоры,
Сумрак льется из окна синей;
Те же люстры, полукруг дивана,
(Только жаль, что люстры не горят!)
Филодендронов унылый ряд,
По углам расставленных без плана.
Спичек нет, — уж кто-то их унес!
Серый кот крадется из передней...
Это час моих любимых бредней,
Лучших дум и самых горьких слез.
Кто за делом, кто стремится в гости...
По роялю бродит сонный луч.
Поиграть? Давно потерян ключ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени услышит только зала.

Я тебе так мало рассказала, —
Ты в тени меня видал едва!

НАДПИСЬ В АЛЬБОМ

Пусть я лишь стих в твоём альбоме,
Едва поющий, как родник;
(Ты стал мне лучшею из книг,
А их немало в старом доме!)
Пусть я лишь стебель, в светлый миг
Тобой, жалеющим, не смятый;
(Ты для меня цветник богатый,
Благоухающий цветник!)
Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник...
Ты вспомнишь всё... Ты сдержишь крик...
— Пусть я лишь стих в твоём альбоме!

СЕРДЦА И ДУШИ

Души в нас — залы для редких гостей,
Знающих прелесть тепличных растений.
В них отдыхают от скорбных путей
Разные милые тени.

Тесные келейки — наши сердца.
В них заключенный один до могилы.
В келью мою заточен до конца
Ты без товарища, милый!

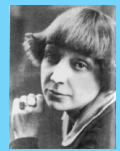

ЗИМОЙ

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый

В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

ТАК БУДЕТ

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем взоре,
Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый — не мой!

Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется — не я!

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
— «Пусть сольются без слов наши души!»
Ты взволнованно шепчешь — не мне!

— «Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня:
Так уютней— Забыла сейчас все слова я»...
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой — не меня!

ПРАВДА

*Vitam impendere vero*¹⁴.

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

ТОЛЬКО ТЕНИ

L'imagination gouverne le monde.

Napoleon I¹⁵

*...et j'ignore absolument ce que
je saurais être dans l'action.*

Napoleon II¹⁶

В КРЕМЛЕ

Там, где миллионы звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны —
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я всё хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна...
Что на земле зовут преданьем, —
Мне всё поведала луна.

В расшитых шёлком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидел цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.

Я увидел, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я увидел монахинь бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блуждании взглядов:
— «Я жить хочу!.. На что мне Бог?»
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали
Они в плену своих светлиц?
Чему в угоду погибали
Рабыни с душами цариц,
Что из глухих опочивален
Рвались в зеленые поля?

– И был луны ответ печален
В стенах угрюмого Кремля.

Осень 1908, Москва

У ГРОБИКА

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, выдавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грезы, никто не тревожит,
Грезы меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Л. А. Т.

О будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук — порвется нить!
Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.
В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

ЭПИТАФИЯ

Л. А. Т.

НА ЗЕМЛЕ

- «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
- «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

В ЗЕМЛЕ

- «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
- «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

НАД ЗЕМЛЕЙ

- «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?»
- «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»

ДАМЕ С КАМЕЛИЯМИ

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждет: '«Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...

Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир — она!
В ней одной спасенье и защита.
Всё в любви. Спи с миром, Маргарита...
Всё в любви... Любила — спасена!

ВОКЗАЛЬНЫЙ СИЛУЭТ

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...

Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я всё пойму, что неприглядно...
Но ошибаться — так отратно!
Но ошибиться — так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас — такой.

Севастополь. Пасха, 1909

* * *

Как простор наших горестных нив
Вы окутаны грустной дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи — ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,

Потухают и лунные блески,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая...
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

НИНЕ

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печалю.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки...
Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Всё как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Всё как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.

Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина
И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О любимая, дальняя Нина!

В ПАРИЖЕ

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.

Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

В ШЕНБРУННЕ

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже...»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка – полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?

Нет, он маленький король!
— «Император, сын любимый!»

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
«Что рокошет там, меж чащ?
Море, что ли?» — «Сын, — солдаты!»

— «О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, —
Это рай?» — «Мой сын — Париж!»
— «А над ним склонилась?» — «Слава».

В ярком блеске Тюилери,
Развеваются знамена.
— «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!»

Барабаны, звуки струн,

Все в цветах... Ликуют дети...
Всё спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

КАМЕРАТА

«Au moment ou je me disposais à monter l'escalier, voilà qu'une femme, envelopée dans un manteau, me saisit vivement la main et l'embrassa».

Prokesh-Osten
*«Mes relations avec le duc de Reichstadt».*¹⁷

Его любя сильней, чем брата,
— Любя в нем род, и трон, и кровь, —
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пенья хора, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом
В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чаш!
Друг другу вняли — без обета
Мундир как снег и черный плащ.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной — ты,
Он — в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас — дремала кровь.
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

РАССТАВАНИЕ

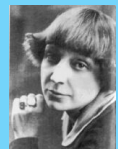
Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку позднею порой...
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.

Мне шепчет голос без названья:
— «Ах, гнета грезы — не снести!»
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.

О сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.

Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола...
Я отдала тебе — так много!
Я слишком много отдала!

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...

Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцог светлокудрый,
Моя великая любовь!

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
— «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...

Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

КОЛДУНЯ

Я – Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой – хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, –
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер – ничей...
Я сон твой. О рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,

Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи взоры позор.
Колдунья лукава, как зверь!»
— Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

АНЖЕЛИКА

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я – Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне – так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я – иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.

Плющ темнолиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика...
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я – Анжелика.

ДОБРЫЙ КОЛДУН

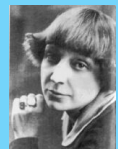
Всё видит, всё знает твой мудрый зрачок.
Сердца тебе ясны, как травы.
Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнувший лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скучные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,

Без ласково-твердой хозяйской руки
Скучают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

ПОТОМОК ШВЕДСКИХ КОРОЛЕЙ

О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, —
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.

Мой славный род — моя отрава!
Я от тоски сгораю — весь!
Падите ниц: пред вами здесь
Потомок славного Густава.

С надменной думой на лице
В своем мирке невинно-детском
Я о престоле грезил шведском,
О войнах, казнях и венце.

В моих глазах тоской о чуде
Такая ненависть зажглась,
Что этих слишком гневных глаз,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я бледен стал и слаб,
Я пленник самой горькой боли,

Я призрак утренний — не боле...
Но каждый враг мне, кто не раб!

Вспоен легендой дорогою,
Умру, легенды паладин,
И мой привет для всех один:
«Ты мог бы быть моим слугою!»

НЕДОУМЕНИЕ

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поющий новолунье,
И дриад, и глохнувшие тропки, —
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?

Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

ОБРЕЧЕННАЯ

Бледные ручки коснулись рояля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печалю.
Кто твои думы смутил,
Бледная девушка, там, у рояля?

Тот, кто следит за тобой,
— Словно акула за маленькой рыбкой —
Он твоей будет судьбой!
И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.

С радостным видом хлопчут родные:
Дочка — невеста! Их дочь!
Если и снились ей грезы иные, —
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопчут родные.

Светлая церковь, кольцо,
Шум, поздравления, с образом мальчик...
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,

Где загорится кольцо.

* * *

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!
Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.
Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шаля,
Из кружек больших молоко.
О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;
Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалунья, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!
Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: «Пора!» забытью?
– На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910

ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО СЕМИ

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной — и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!
К людям не надо — солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь — прощу,
Только меня не томи!
— Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

ВОЛЕЙ ЛУНЫ

Мы выходим из столовой
Тем же шагом, как вчера:
В зале облачно-лиловой
Безутешны вечера!
Здесь на всем оттенок давний,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни,
Будет облачно-светло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушней? Что нежней?)
Те, ушедшие, любили
Рисовать ручонкой в ней.
Этих маленьких ручонок
Ждут рояль и зеркала.
Был рояль когда-то звонок!
Зала радостна была!
Люстра, клавиш – всё звенело,
Увлекаясь их игрой...
Хлопнул ставень – потемнело,
Закрывается второй...
Кто там шепчет еле-еле?
Или в доме не мертво?

Это струйкой льется в щели
Лунной ночи колдовство.
В зеркалах при лунном свете
Снова жив огонь зрачков,
И недвижим на паркете
След остывших башмачков.

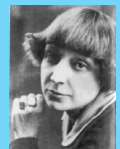
ROUGE ET BLEUE¹⁸

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли по саду.
— «Знаешь, Алина, мы платьица скинем,
Будем купаться в пруду?».
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
— «Мама сказала — нельзя».

Девушка в красном и девушка в синем
Вечером шли вдоль межи.
— «Хочешь, Алина, все бросим, все кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!»
Вздохом сквозь вешний туман
Грустно ответила девушка в синем:
— «Полно! ведь жизнь — не роман»...

Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
— «Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем, —
Пленницы в счастье своем»...
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:

– «Что же? Ведь женщины мы!»

СТОЛОВАЯ

Столовая, четыре раза в день
Миришь на миг во всем друг друга чуждых.
Здесь разговор о самых скучных нуждах,
Безмолвен тот, кому ответить лень.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
Тарелок стук... Беседа коротка:
— «Хотела в семь она придти с катка?»
— «Нет, к девяти», — ответит экономка.

Звонок. — «Нас нет: уехали, скажи!»
— «Сегодня мы обедаем без света»...
Вновь тишина, не ждущая ответа;
Ведут беседу с вилками ножи.

— «Все кончили? Анюта, на' тарелки!»
Враждебный тон в негромких голосах,
И все глядят, как на стенных часах
Одна другую догоняют стрелки.

Роняют стул... Торопятся шаги...
Прощай, о мир из-за тарелки супа!

Благодарят за пропитанье скупо
И вновь расходятся — до ужина враги.

ПАСХА В АПРЕЛЕ

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, догорая,
С улицы фраз отголоски...
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, вешняя зорька,
Волны пасхального звона...
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни...
Многое было, ах, многое было...
Прошлое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно... Лучи догорели...
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва, Пасха, 1910

СКАЗКИ СОЛОВЬЕВА

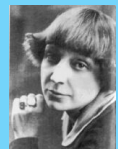
О, эта молодость земная!
Все так старо — и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.

Я не дышу — в них все так зыбко!
Вдруг вздохом призраки развею?
Неосторожная улыбка
Спугнет волшебника и фею.

Порою смерть — как будто ласка,
Порою жить — почти неловко!
Блаженство в смерти, Звездоглазка!
Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше ль уличного шума
Зеленый пруд, где гнутся лозы?
И темной власти Чернодума
Не лучше ль сон Апрельской Розы?

Вдруг чей-то шепот: «Вечно в жмурки
Играть с действительностью вредно.

Настанет вечер, и бесследно
Растают в пламени Снегурки!

Все сны апрельской благодати
Июльский вечер уничтожит».
— О, ты, кто мудр — и так некстати! —
Я не сержусь. Ты прав, быть может...

Ты прав! Здесь сны не много значат,
Здесь лжет и сон, не только слово...
Но, если хочешь знать, как плачут,
Читай в апреле Соловьева!

КАРТИНКА С КОНФЕТЫ

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом мужа!

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым старухам,
Твердит о долге, теребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет...
Как сладко жить! Вдруг блесстки эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови
И этот взгляд... Пред ней тот прежний, тот,
Сказавший ей в слезах под Новый год:

– «Умру без слов при вашем первом слове!»

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:
– «Да ты больна?» Немного побледнев,
Она в ответ роняет: «Это нервы».

* * *

Ваши белые могилки рядом,
Ту же песнь поют колокола
Двум сердцам, которых жизнь была
В зимний день светло расцветшим садом.

Обо всем сказав другому взглядом,
Каждый ждал. Но вот из-за угла
Пронеслась смертельная стрела,
Роковым напитанная ядом.

Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
В зимний день, средь снега, расцвела...
Ту же песнь вам шлют колокола,
Ваши белые могилки — рядом.

Weisser Hirsch, лето 1910

«ПРОСТИ» НИНЕ

Прощай! Не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!
Поверь, не хватит наших сил
Для примирительного слова.
Твой нежный образ вечно мил,
Им сердце вечно жить готово, —
Но все ж не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!

ЕЕ СЛОВА

- «Слова твои льются, участием согреты,
Но темные взгляды в былом».
- «Не правда ли, милый, так смотрят портреты,
Задеты белым крылом?»
- «Слова твои – струи, вскипают и льются,
Но нежные губы в тоске».
- «Не правда ли, милый, так дети смеются
Пред львами на красном песке?»
- «Слова твои – песни, в них вызов и силы,
Ты снова, как прежде, бодра»...
- «Так дети бодрятся, не правда ли, милый,
Которым в кроватку пора?»

ИНЦИДЕНТ ЗА СУПОМ

- «За дядю, за тетю, за маму, за папу...»
 - «Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу...»
 - «Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!..»
(Уж хочется плакать от злости Сереже.)
 - «Не плачь, и на трех он на лапах поскачет».
- Но поздно: Сереженька-первенец – плачет!
Разохалась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама...
- «Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?»
 - «За папу, за маму, за дядю, за тетю...»

МАМА ЗА КНИГОЙ

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...

– «Мама, построй мне из кубиков домик!»

Мама взволнованно к сердцу прижала

Маленький томик.

...Гневом глаза загорелись у графа:

«Здесь я, княгиня, по благодати рока!»

– «Мама, а в море не тонет жирафа?»

Мама душою – далеко!

– «Мама, смотри: паутинка в котлете!»

В голосе детском упрек и угроза.

Мама очнулась от вымыслов: дети –

Горькая проза!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик...
Свет из окошка — так слаб!
Детскому сердцу — так горек!
Братец в раздумий трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз
В темному углу — наготове.
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале — дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамыны руки.

УТОМЛЕНЬЕ

Жди вопроса, придумывай числа...
Если думать — то где же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
Появляются все вечера.
Папа болен, а мама в концерте...
Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
Рукавицы надела сестра,
— Но устанешь пугать гувернантку...
Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
Приуныла в углах детвора,
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

БАЛОВСТВО

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
(Плакать смешно и стараться!)
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

ЛУЧШИЙ СОЮЗ

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
— «С ним — лишь на небе!» — «Здесь — не с ней!»
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи — только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!

Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни — только тени.

СТУК В ДВЕРЬ

Сердце дремлет, но сердце так чутко,

Помнит все: и блаженство, и боль.
Те лучи догорели давно ль?
Как забыть тебя, грустный малютка,
Синеглазый малютка король?

Ты, как прежде, бредешь чрез аллею,
Неуступчив, надменен и дик;
На кудрях — золотящийся блик...
Я молчу, я смущенно не смею
Заглянуть тебе в гаснувший лик.

Я из тех, о мой горестный мальчик,
Что с рожденья не здесь и не там.
О, внемли запоздалым мольбам!
Почему ты с улыбкою пальчик
Приложил осторожно к губам?

В бесконечность ступень поманила,
Но, увы, обманула ступень:
Бесконечность окончилась в день!

Я для тени тебе изменила,
Изменила для тени мне тень.

СЧАСТЬЕ

– «Ты прежде лишь розы ценила,
В кудрях твоих венчик другой.
Ты страстным цветам изменила?»
– «Во имя твое, дорогой!»

– «Мне ландышей надо в апреле,
Я в мае топчу их ногой.
Что шепчешь в ответ еле-еле?»
– «Во имя твое, дорогой!»

– «Мне мил колокольчик-бубенчик,
Его я пребуду слугой.
Ты молча срываешь своей венчик?»
– «Во имя твое, дорогой!»

НЕВЕСТАМ МУДРЕЦОВ

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещих глаз,
Их каждый миг — мучительный экстаз.
Вы перед ними — щепки в океане!
Для них любовь — минутный луч в тумане,
Единый свет немеркнувший — для вас.

Вы лишь в любви таинственно-богаты,
В ней все: пожар и голубые льды,
Последний луч и первый луч звезды,
Все ручейки, все травы, все закаты!..
— Над ними лик склоняется Гекаты,
Им лунной Греции цветут сады...

Они покой находят в Гераклите,
Орфея тень им зажигает взор...
А что у вас? Один венчальный флёр!
Вяжите крепче золотые нити
И каждый миг молитвенно стелите
Свою любовь, как маленький ковер!

ЕЩЕ МОЛИТВА

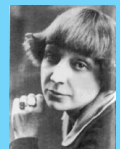
И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не всё только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.

Дай мне душу, Спаситель, отдать — только тени
В тихом царстве любимых теней.

Москва, осень, 1910

Комментарии – Переводы

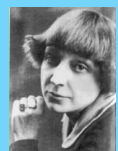
- [1] Эдмон Ростан: «Ах, лучше уехать тотчас по приезде, / Чем видеть, как становится блеклой новизна берегов.» (фр.).
- [2] «В сумерках» Поля Шаба (фр.).
- [3] Никогда (нем.).
- [4] барышня Эльза (нем.).
- [5] Любимый мальчик (нем.).
- [6] «Так можно отправляться, господин?» (нем.)
- [7] Тихая улица (нем.).
- [8] Воспоминание о Тиволи (итал.).
- [9] Эдмон Ростан: «Я вижу, как из благородной цели рождается другая, / еще более благородная, / Ибо после великой цели не принимаешь меньшую.» (фр.).
- [10] «Ибо все лишь сон, о моя сестра!» (фр.).
- [11] Франкфуртская песенка: «Мое сердце в тяжелых оковах, / Которыми ты его опутал. / Клянусь жизнью, / Что ни у кого нет цепей тяжелей» (нем.).
- [12] Вечно движущееся (лат.).
- [13] Сплошь фантазия (лат.).
- [14] Отдать жизнь за правду (лат.).
- [15] Наполеон I: «Воображение правит миром.» (фр.)
- [16] Наполеон II: «...и я совсем не знаю, как бы я себя проявил в действии.» (фр.).
- [17] Прокеш-Остен: «В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее.» [«Мои отношения с герцогом Рейхштадтским»] (фр.).
- [18] Красное и голубое (фр.).

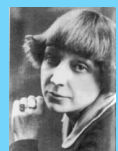

Оглавление

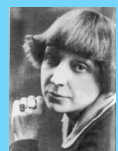
ВСТРЕЧА	5
<i>ДЕТСТВО</i>	7
ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО	8
В ЗАЛЕ	10
МИРОК	12
ЖЕРТВАМ ШКОЛЬНЫХ СУМЕРОК	13
СЕРЕЖЕ	15
ДОРТУАР ВЕСНОЙ	17
ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	19
ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	22
ЛЕТОМ	23
САМОУБИЙСТВО	24
В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ	26
В СУМЕРКАХ	27
ЭЛЬФОЧКА В ЗАЛЕ	28
ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА	30
ПЛЕННИЦА	32

ШАРМАНКА ВЕСНОЙ	34
ЛЮДОВИК XVII	37
НА СКАЛАХ	39
ДАМА В ГОЛУБОМ	41
В ОУСНУ	43
АКВАРЕЛЬ	44
СКАЗОЧНЫЙ ШВАРЦВАЛЬД	45
КАК МЫ ЧИТАЛИ «LICHTENSTEIN»	47
НАШИ ЦАРСТВА	49
ОТЪЕЗД	51
КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ	53
МАМЕ	55
САРА В ВЕРСАЛЬСКОМ МОНАСТЫРЕ	57
МАЛЕНЬКИЙ ПАЖ	59
DIE STILLE STRASSE	61
МАМА В САДУ	62
МАМА НА ЛУГУ	64
RICORDO DI TIVOLI	66
У КРОВАТКИ	67
ТРИ ПОЦЕЛУЯ	69
<i>ЛЮБОВЬ</i>	71
НОВОЛУНЬЕ	72
ЭПИТАФИЯ	73
БЫВШЕМУ ЧАРОДЕЮ	74
ЧАРОДЕЮ	75
В ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ	77
СЕСТРЫ	79
НА ПРОЩАНИЕ	80

СЛЕДУЮЩЕЙ	82
PERPETUUM MOBILE	83
СЛЕДУЮЩЕМУ	84
ЛУЧ СЕРЕБРИСТЫЙ	85
ВТРОЕМ	86
ОШИБКА	88
МУКА И МУКА	90
КАТОК РАСТАЯЛ	91
ВСТРЕЧА	92
ДВА В КВАДРАТЕ	94
СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ СНЫ	95
<i>Не гони мою память! Лазурны края...</i>	97
ПРИВЕТ ИЗ ВАГОНА	99
ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ	101
<i>Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?...</i>	102
КРОМЕ ЛЮБВИ	103
ПЛОХОЕ ОПРАВДАНИЕ	104
ПРЕДСКАЗАНИЕ	106
ОБА ЛУЧА	107
ДЕТСКАЯ	108
РАЗНЫЕ ДЕТИ	109
НАША ЗАЛА	111
<i>По тебе тоскует наша зала...</i>	113
НАДПИСЬ В АЛЬБОМ	115
СЕРДЦА И ДУШИ	116
ЗИМОЙ	117
ТАК БУДЕТ	119
ПРАВДА	120

<i>ТОЛЬКО ТЕНИ</i>	121
В КРЕМЛЕ	122
У ГРОБИКА	125
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	126
ЭПИТАФИЯ	127
ДАМЕ С КАМЕЛИЯМИ	128
ВОКЗАЛЬНЫЙ СИЛУЭТ	130
<i>Как простор наших горестных нив...</i>	132
НИНЕ	134
В ПАРИЖЕ	136
В ШЕНБРУННЕ	138
КАМЕРАТА	141
РАССТАВАНИЕ	143
МОЛИТВА	145
КОЛДУНЯ	147
АНЖЕЛИКА	149
ДОБРЫЙ КОЛДУН	151
ПОТОМОК ШВЕДСКИХ КОРОЛЕЙ	153
НЕДОУМЕНИЕ	155
ОБРЕЧЕННАЯ	156
<i>На солнце, на ветер, на вольный простор</i>	158
ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО СЕМИ	159
ВОЛЕЙ ЛУНЫ	160
ROUGE ET BLEUE	162
СТОЛОВАЯ	164
ПАСХА В АПРЕЛЕ	166
СКАЗКИ СОЛОВЬЕВА	167
КАРТИНКА С КОНФЕТЫ	169
<i>Ваши белые могилки рядом...</i>	171

«ПРОСТИ» НИНЕ	172
ЕЕ СЛОВА	173
ИНЦИДЕНТ ЗА СУПОМ	174
МАМА ЗА КНИГОЙ	175
ПРОБУЖДЕНЬЕ	176
УТОМЛЕНЬЕ	177
БАЛОВСТВО	178
ЛУЧШИЙ СОЮЗ	179
СТУК В ДВЕРЬ	181
СЧАСТЬЕ	183
НЕВЕСТАМ МУДРЕЦОВ	184
ЕЩЕ МОЛИТВА	185

Комментарии – Переводы 187

